

У меня, честно говоря,
как-то все перепуталось
с моими ностальгиями,
с моими ощущениями родины
и не родины. Я точно знаю, что
пребываю на планете Земля.
Вроде Америка совсем уж
не чужая, но в то же время она
как-то мне надоела изрядно.
Это не значит, что я совсем
порвал с ней. Но какие-то
ее черты отталкивающие.
Это ощущение для меня
совсем не ново. Я ощущаю
нужду вернуться на некоторое
время домой, к своим,
к русакам и к прочему
населению этой державы.
Но я знаю, что пройдет,
скажем, два месяца, и начнет
глодать какая-то
космополитическая составная
часть – «Что, мол, ты тут
сидишь?! Сколько можно,
возвращайся в Биарриц,
а то и в Америку»...

«От Родины не откажешься, но домом Россию воспринимать пока сложновато»

Окончание.
Начало на стр. 1

«Парфенон не лжет»

– Не слишком ли все эти годы преподавание отвлекало вас от писательского труда?

– Вот есть какое-то противоречие. С одной стороны, университет – самое светлое место в Соединенных Штатах. Я в этом совершенно не сомневаюсь, и это просто то, что меня и привлекало к этой стране. Я каждый семестр приходил в новый класс – там же не бывает постоянных классов. Таким образом, я подсчитал, что за мой университетские годы я познакомился с тремя тысячами единиц американской молодежи. Немало, по-моему. Вот это пребывание на кампусе с толпами молодежи, с исходящей от них колossalной позитивной энергией меня согревало и давало какой-то заряд. С другой стороны, мне, конечно, бесконечно жалко было писательского времени. Но, правда, были большие каникулы – пять с половиной месяцев каждый год, и можно было что-то напечатать... Я не написал, наверное, нескольких книг из-за университета. Я выступал на своем прощальном вечере в университете и произнес речь под названием «Парфенон не лжет». Парфенон для меня – это университет в собирательном понятии. Он ни разу меня не предал в Америке, не обманул, в отличие от других структур.

– Кто же вас там обманывал?

– Мне порядком не везло в Америке – в писательском, в киношном и в театральном отношении. Я написал хорошие вещи, но не везло в их продвижении. Никогда инициатива не исходила от меня. Появлялись какие-то люди и говорили: «Давай поставим фильм по «Острову Крым». – «Давайте. Охотно, приветствуем». К тому же возникла возможность разбогатеть. Вступает в действие настоящая голливудская фирма с продюсером, собаку съевшим на этих делах. Потом все разваливается в результате разных причин. И таких случаев было довольно много. Но меня утешало, что я сам никому не лез, не уничтожал. Я знаю очень многих наших, которые посыпали этому всю жизнь. Они ходят с какими-нибудь сценариями и пытаются его пристроить. Проходят годы и годы, а потом смотрят – и жизнь прошла...

– Вас даже приглашали в Национальный совет безопасности?

– Погрязывающая идея была сделана фильмом о советских военно-наполненных в Афганистане. И мне пришла мысль написать сценарий типа «Звездный билет 80-х годов». Все закручивается, я сижу на каких-то совещаниях, создается специальная рабочая группа для связи с кинопродюсерами. И вдруг – «Ирангейт». Все разваливается, всех начальников из Национального совета безопасности выгоняют, и ни о каких проектах больше нет и речи. И такие все время со мной происходили невозможные случаи. Режиссер Антуан Витез замечательно поставил мою пьесу «Цапля» в Париже. Его приглашают в Америку поставить эту пьесу. Он страшно хочет: рвется в Америку, ведутся переговоры, и вдруг он умирает...

«Американская кириллица»

– Ваша новая книга «Американская кириллица» подводит итоги вашей заокеанской эпохи?

– Нет, это ни в коем случае не подведение итогов. Это спе-

циальный проект, связанный с американской премией «Либерти». Директор издательства «НЛО» Ирина Прохорова, которая тоже лауреат этой премии, хочет издать серию книг, посвященных Америке. У меня о ней получается много. Я выбираю какое-то фрагменты из книг, из романов, некоторые рассказы включают в целом. Нить книги – американское влияние в моей работе. Я в ней говорю, что нельзя написать роман об Америке, но американский роман написать можно, и пишу о том, как Америка превращается в художественную метафору. Там у меня есть две не беллетристические познавательные книги об Америке. Америка внутри романа – то есть превращение бытowego материала в оживленные и одухотворенные литературные образы. Или, применив термин Виктора Шкловского, можно сказать, что это Америка под влиянием писательского отстранения.

– Существует ли сегодня русская Америка?

– Я думаю, что нет, в том смысле, в каком это всегда понималось. Нет эмиграции глухой, без возврата. Бесконечная циркуляция туда-сюда. И большинство эмигрантов – мигранты, миграция рабочая сила. И это совсем не то, что было при Советах: когда нас выгоняли, то как бы навсегда. Русская Америка очень подвижна и расплывчатая, и нельзя ее контуры наметить. В зоне Большого Нью-Йорка, согласно данным консульства, свыше миллиона русских живет, включая нелегально приехавших.

– Получается целая «пятая колонна»...

– Не думаю, что сейчас КГБ очень озабочен сбором данных об Америке. Она стала даже как бы подпоркой для существования России, без которой может пропасть все.

– Но разве наш народ не расплачивается в знаменитом американском плавниковом типе?

– Конечно, расплачивается, но только второе поколение эмигрантов – оно всегда другое. Мало кто сохранил язык в хорошем состоянии.

– Кто сейчас из известных русских писателей живет в США?

– Есть очень хороший романист Игорь Ефимов, писатель просто большого класса, но мало известный, к сожалению.

– Издана его переписка с Сергеем Довлатовым, которая наладила много шума. Довлатова была против...

– Ефимов не этим только известен. Недавно я прочел его роман, какая-то инкарнация Холдена Колфилда из сэлинджеровского «Над пропастю» во время. Книга местами просто зачаровывающая. Но Ефимов такой скромный и не выходит на авансцену. Вот еще есть Юз Ашлевский. А так все разъехались – кто вернулся, кто где-то осел в других странах.

– Где же печататься русским писателям в самой Америке?

– Можно печататься и в Москве – если ты писатель и заинтересовал издателя. Издательства массы, цензуры никакой нет. Многие так делают.

– Но ведь на российские гонорары не выживешь?

– Ароссийские гонорары не так уж проприетары по отношению к американским. Правда, я иногда получал довольно большие. Скажем, за «Московскую сагу» – около 100 тысяч долларов аванса. В Америке ее первая

часть называлась «Поколение зимы», а вторая – «Герой зимы».

Национальный амок

– Некоторые наши соотечественники, вернувшись в Россию из Америки, публично сводят с ней счеты...

– В Америке масса минусов и моментов для критики, но в России она какая-то примитивная, из комплекса неполноценности, что ли. Пишут чепуху: Америка вот-вот развалится по этническим границам?! Их там нет вообще. Бред собачий! Или что каждый американский человек должен миром со всеми «оси»? – говорит хозяева разных обслуживающих предприятий – знают, что за платят, не набедокурят. Короче говоря, русский перестал быть чужим, он вроде бы почти свой. Вместе с тем стереотип русской мафии начался 90-х годов остался, но постепенно отходит!

– Чем же объясняют поразительный взрыв антиамериканизма во всем мире – не только в России, но и в Европе, я уже не говорю про мусульманские страны...

– Потому что одна такая супердержава. Международный жандарм, который на самом деле нужен. Вы же знаете, что во Франции любят жандармерию, а жандарм здесь совсем не такое ругательное слово, как в России.

– Но жандарм должен действовать по правилам, а не творить, что ему заблагорассудится...

– Это не совсем так. События в Ираке, по-моему, неправильно понимают – нефть, мол, хотели захватить, свою волю навязать...

– Оккупация Ирака – ответ на 11 сентября. Это же террористический акт грандиозного успеха!

– Первым ответом был Афганистан, но потом решили ответить так, чтобы мало не показалось и чтобы все поняли. И, видимо, главный мотив ошеломляющих выступлений мирового жандарма в том, чтобы враги поняли, чем такие теракты кончаются. Ведь за ублюдками стояли довольно серьезные и солидные силы из арабского содружества. Словом, это показательные выступления Америки, а отнюдь не направленные на изменение geopolитики, захваты рынков или что-то еще.

– Но жандарм не все хорошо просчитал...

– Конечно. А очень трудно все просчитать, тем более что этнос этот находится в состоянии револьтного возбуждения, и невозможно предугадать его поведение. В 1917-м году russkii oхватил какой-то национальный амок, и то, что видимо, сейчас с арабами происходит.

– Однако американцы так или иначе подогревают это возбуждение...

– Но они не могут уйти и смириться. Они не подогревают, а, наоборот, хотят остановить. И есть результаты. Например, Каддафи, который теперь становится товарищем Запада. Хочет всем заплатить, кого убил, чтобы на него не обижались.

– Как известно, все империи – от римской до советской – рано или поздно приходили в упадок и прекращали существование. Не грозит ли это Америке?

– Почему не грозит? Вполне грозит. Нет же ничего бесконечного. Когда-нибудь и человеческая раса исчезнет. У Америки есть большое преимущество – нет этнических границ, не возникнет гражданская война внутри. Но тем временем подрастает Китай. И если дальше так его развитие пойдет, он скоро басом начнет говорить и будет подавать не китайские блоги в своих ресторанах на Западе, а подносить что-то горячее.

– Джордж Буш, кажется, начинает выбираться из иракской тяжелыни...

– Я думаю, что оттуда они

выберутся. В этой стране 30 лет существовал чудовищный режим, который обслуживался миллиардами людей. Они там так и сидят. Американцы с самого начала очень неправильно себя вели – демагогически кричали, что они не оккупанты, а освободители. Надо было сказать: да, мы оккупанты, мы вводим комендантский час, и на какое-то время для вашего развития будет держаться такой режим. Потом начнется постепенная «десадализация» Ирака, за которой последует демократизация, как произошло со странами «оси» после войны – с Японией, Германией, Италией.

– Но эти жуткие зверства в тюрьмах...

– Это, конечно, свинство. Их придумали какие-то гады – они есть везде, и в Америке их очень много. И бизнес бесчеловечный, на самом деле существуют «акулы Уолл-стрита», над которыми столько раз смелялись. Но акулы нападают, когда жратъ хотят, а корпорации, наоборот, когда обожрались... И в полиции бывают такие случаи, когда люди зверски.

– Американцы недавно прогадали с Рейганом, и уже идут споры о том, были ли он великим президентом...

– Я не думаю, что он был уж таким великим... Я встречался с ним, был в Белом доме, когда пригласили диссидентов перед его поездкой в Москву – и ответ на визит Горбачева в 1987 или 1988 году. Он на меня произвел приятное впечатление, хотя казался немножко отсутствующим. Рейган – символ такого американского оптимизма, и, на мой взгляд, он здорово оказался в нужное время, когда Америка после четырех лет правления Джими Картера очень серьезно загнивала. И то, что появился Рейган, и то, что он окружил себя людьми десепсональными, начал свою рейгановику, новый поход против «империи зла» – все это были гениальные разработки, которые он осуществил.

– Я не думаю, что он был великим. Он говорил: «На вид они белые, но на самом деле они не белые совсем». Потом Толли служил в Китае, и ему понравились русские девушки в Шанхае, с которыми он играл в теннис. Он никогда таких не видел – какие они изящные, милые, красивые, как чудесно и свежо говорят по-английски! Это были дети русских эмигрантов. И он из-за этих девушек стал русским языком учить, все глубже и глубже входил в российскую тему и во времена войны женился на русской.

– Если взглянуть на нынешнюю Россию глазами американца и применить к ней западные стандарты, можно ли считать ее демократичной, новый поход против «империи зла» – все это были гениальные разработки, которые он осуществил.

– Я не знаю, как на самом деле относится американская администрация к давлению в России на большой бизнес. Никакого специального заявления никто еще не сделал. В то же самое время в Америке произошли свои большие финансовые скандалы – обнаружилось мошенничество в огромных корпорациях. Против них были возбуждены дела, но это не значит, что их руководителей захватывали в масках с автоматами и затаскивали сразу в тюрьму. Просто начиналось следствие с адвокатами и с всеми теми, кто должен участвовать в этих делах. И то, что происходит с Ходорковским и его людьми, по-моему, воплощает самоуправство... В других отношениях Путин все-таки сохраняет толерантность и какой-то западный уклон, но вот эти олигархические товарищи ему на мозоли наступили.

– Удивительным образом почти совпало увольнение журналиста Парфенова и оправдание подозреваемых в убийстве журналиста Ходоркова...

– А это уже дан зеленый свет «сильовикам». При слове «сильовик» мне всегда приходит на ум реклама шин фирмы «Мишлен» – там такой «сильовик» настыдил.

– Это люди типа «ташить и не пуштать», другого языка не знают, а поскольку в них нуждаются, они чувствуют себя свободны.

– А это уже дан зеленый свет «сильовикам». При слове «сильовик» мне всегда приходит на ум реклама шин фирмы «Мишлен» – там такой «сильовик» настыдил.

– Впервые, если это безобразия в иракской тюрьме? Именно американские журналисты подняли всю буру. Без них это так бы и прошло незамеченным.

– Играют ли по-прежнему средства массовой информации в Соединенных Штатах роль четвертой силы?

– Очень даже играют. Кто раскрыл эти безобразия в иракской тюрьме? Именно американские журналисты подняли всю буру.

– Если взглянуть на нынешнюю Россию глазами американца и применить к ней западные стандарты, можно ли считать ее демократичной?

– Я не знаю, как на самом деле относится американская администрация

Русский – почти свой

– Какой сегодня в Америке стереотип русского?

– На мой взгляд, этот стереотип как-то улучшился во всем мире. Может быть, благодаря нашим бизнесменам. Русский уже не несчастный, затоканный, нищий человек. На него больше удовлетворением и уважением смотрят хозяева разных обслуживающих предприятий – знают, что за платят, не набедокурят. Короче говоря, русский перестал быть чужим, он вроде бы почти свой.

– Но иначе мало американцев представляют себе, что такое Россия...

– Я наблюдал таких американцев, которые, если начинали изучать Россию или русский язык, то так глубоко погружались, что не могли выбраться и становились отчаянными энтузиастами своего дела. Я, кстати, в книге «Американская кириллица» включил большое эссе о нашем близком друге адмирале Толли, который служил в американском посольстве помощником военно-морского атташе во время войны. Он как раз и относился к такому роду людей. Когда Толли был молодым, то не очень понимал, что такие русские. Он говорил: «На вид они белые, но на самом деле они не белые совсем». Потом Толли служил в Китае, и ему понравились русские девушки в Шанхае, с которыми он играл в теннис. Он никогда таких не видел – какие они изящные, милые, красивые, как чудесно и свежо говорят по-английски! Это были дети русских эмигрантов. И он из-за этих девушек стал русским языком учить, все